

В.Н.Касаткина

*„Здесь
сердцу
будет
приятно...“*

Поэзия В. А. Жуковского

МОСКВА
1995

ББК 83.331
К28

Касаткина В. Н.
«Здесь сердцу будет приятно...»: Поэзия В. А. Жуковского: — М.:
1995.— 184 с.

Концептуальный стержень книги связан с установлением единства эстетического и этического в поэтическом мире В. А. Жуковского. Рассматривая главные жанры его поэзии, автор вводит читателя в художественно выраженные размышления поэта о семье, дружбе и любви, о совести, грехе и покаянии. В работе В. А. Жуковский представлен как учитель поэтов, создавший свою «школу».

© В. Н. Касаткина, 1995

ПРЕДИСЛОВИЕ

Источник живой воды, где ты?
— В поэзии.

Гердер. Жуковский

Поэзия есть добродетель.
Жуковский

Один из парадоксов истории — в том, что уходящее от нас в темноту времен удивительным образом приближается и оживает в своей духовной значимости. Это и произошло на исходе XX века с В. А. Жуковским, золова арфа поэзии которого зазвучала так трогательно и маняще, взывая к совести и милосердию. Возвышенный моральный заряд его поэзии при ее эстетическом совершенстве — тот компонент, в котором нуждается современное общество.

В этой книге не поставлена цель монографического, всестороннего освещения всего созданного выдающимся писателем первой половины столетия. Здесь выдвинута задача изучения ведущей тенденции его творчества — поисков синтеза поэзии и нравственности. Эта задача представляется важной и во всем впечатляющем объеме не раскрытой, хотя возвышенный нравственный пафос творчества поэта постоянно отмечался, особенно в биографических трудах. Наследие Жуковского активнее всего изучалось на основе биографических принципов. Писатель, провозгласивший принцип «живи, как пищешь», как бы сам подсказывал способ изучения своих творений. Так именно осмысливалась его поэзия в лучшем литературоведческом сочинении дореволюционных лет — книге А. Н. Веселовского «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения» (СПб., 1904).

Второе авторитетное направление в изучении наследия поэта, также глубоко оправданное и результативное — сравнительно-генетический анализ произведений. Перед учеными, взявшимися за исследование произведений поэта и одновременно переводчика, сразу же возникала проблема

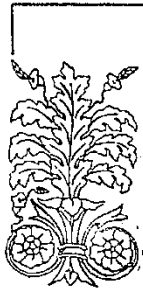
литературных источников его произведений, принципов перевода, сближений с первоисточником и отступлений от него, «своего» и «чужого» в его стихах да и в прозе тоже. Весьма успешно в этом направлении трудятся литературоведы из Томского университета, в котором хранится библиотека поэта, позволяющая найти достаточно глубокие корни его творчества, что и раскрывают исследования Ф. З. Кануновой, В. В. Лобанова, Н. Б. Реморовой, А. С. Янушкевича и др.

Мировоззрение Жуковского, поэтика его произведений рассматриваются и в трудах указанных авторов, и в книгах и статьях, вышедших еще из недр дореволюционной науки, опиравшейся на принципы историзма и занимавшейся осмыслением места поэта в русском литературном процессе. Такая задача решается в литературно-критических работах В. Г. Белинского с присущими ему блеском и смелостью: «Без Жуковского мы не имели бы и Пушкина». Сделан новаторский вывод, говорящий о высочайшей оценке поэзии Жуковского. Выдвинутая Белинским проблема своеобразия романтизма этого поэта оказалась предметом размышлений ученых и XIX века — А. Н. Пыпина, А. Н. Майкова, и века XX — Г. А. Гуковского, Н. В. Измайлова, И. М. Семенко; рассматривается она и в новейших трудах.

Жуковский, справедливо названный еще А. Н. Пыпиным поэтом-корифеем и поставленный в русской литературе первой трети XIX века рядом с А. С. Пушкиным, был, бесспорно, новатором-вождем романтиков, властителем дум, учителем литературной молодежи и не только ее... Он выступил Учителем. В его натуре, деятельности, поэтическом творчестве качества этой личности, этого призвания человека заявили о себе с большой последовательностью, настойчивой принципиальностью, сердечной экзальтацией. Жуковский упорно занимался самовоспитанием, самообразованием, самосовершенствованием. «Каков ты сам, таким и будет твоё творение» — еще один важный принцип его творчества. Жуковский — поэт-моралист в самом высоком смысле слова. Писатель любил слово «моралист», оно входит в его лексикон, часто помогает выразить свою мысль и никогда не отделяется от понятия «нравственности». Оба они подвержены времени, но устойчивы, восходя к постоянным религиозным нормам. Выдающиеся западноевропейские моралисты, предшественники Жуковского, были хорошо им изучены, он многое наследовал. Но созданное поэтом этическое учение, его претворение в жизни, творчестве весьма своеобразны и характерны не только для Жуковского, но и для русской философии и литературы; его традиции вошли в нашу философию «серебряного века». Жуковский прежде всего поэт, и эстетические свойства действительности прочувствованы им в полной мере; чувством красоты охвачено его сердце; поэтическое в человеческих отношениях глубоко переживается им и перетекает в его стихи. Он нашел в художественной практике единство эстетического и нравственного на новом этапе развития русской культуры, продолжив старинные национальные традиции. В нашей работе главным предметом изучения и

сделано это единство; названия глав обозначили ведущие жанрово-эстетические пути творчества, подзаголовки — сквозные этические мотивы, звучащие в его художественном мире. Так вырисовывается концептуальный стержень работы.

Ссылки на стихотворные тексты и большинство писем делаются по изд.: Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4-х т. — М., Л., 1959—1960. Тексты, не вошедшие в это издание, цитируются по изд.: Жуковский В. А. Полн. собр. соч.: В 12-ти т. — СПб., 1902. В работе использованы также материалы архива Российской государственной библиотеки: фонд 104, В. А. Жуковский, картон V, VI, VII, VIII.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На рубеже двух веков. Юность.

Юность столетия и юность одного человека сошлись в поэзии Жуковского. История «искала» выразителя своих потенций и нашла нашего поэта.

Знаменательное совпадение рождения века и гениев имело следствием своеобразный культ юности в начале XIX века. Чувствовали всеми порами своего тела, всеми стремлениями души преимущества юности перед старостью. Заманчивый мир только начинает открываться, все впереди, тянутся длинные, зовущие к себе дороги жизни, сулящие счастье и восторги. Как много сил в молодом организме, возможностей для их реализации! Современники Жуковского чувствовали хотя и недолговечные, но истинные ценности юной поры жизни: «тонные забавы» исчезают, «как сон, как утренний туман», но:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

И Жуковскому, как его гениальному младшему современнику Пушкину, были свойственны «души прекрасные порывы» и патристическое горение. Все же пушкинский образ юности, которую так ценил поэт («Будь молод в юности своей», «Блажен, кто смолоду был молод», но добавлял поэт: «Блажен, кто вовремя созрел»), сложен, многокрасочен и многогранен. Он появился в литературе после стихов Батюшкова и Жуковского и вобрал в себя их настроения, но и обогатился гражданственной смелостью и непримиримостью, романтическим энтузиазмом конца 10-х — начала 20-х годов XIX века. Юность же в стихах Лермонтова, который был ее подлинным выразителем не менее, чем Жуковский, — страдающая, освобождающаяся от радужных иллюзий, бескомпромиссная в своем отрицании пороков, недоверчивая, скептическая, но с затаенной верой в максималистские идеалы. Это уже другой этап духовного созревания человека и другой период общественно-культурной жизни России. Но юные надежды людей начала XIX ве-

ка, Батюшкова, Жуковского, отразили свое время. Юность в легкой поэзии Батюшкова — жизнерадостная влюбленность, дружелюбие, ощущение счастья, открытость людям: «сердце на ладони» — любимое выражение поэта, и у Жуковского есть аналогичное. Именно в это время — ясный взор и улыбка на устах и на всей природе, ее цветение, аромат роз, дружеские и любовные объятия; мир залит розовым цветом ланит любимой и игривыми мечтами. В поэтическом мире Жуковского этот самый ранний период юности только что пройден, он еще живет в памяти сердца, нога юноши только еще переступает последнюю черту очарованного круга. Мотив юношеского веселья и радости, такой привлекательный своей непосредственностью, постоянно звучит в его стихах и письмах. Хорошо отразила эту полудетскую атмосферу беспечной радости, «беспечной прелести», по меткому выражению другого поэта, юная Маша Протасова, которая писала своему учителю и другу: «Приезжай к нам поскорее, начнем опять рисовать вместе, читать Анахарсиса, резвиться, веселиться, бегать». Здесь и слово «вместе», столь значимое в этике Жуковского, и общие занятия, само- и взаимосовершенствование интеллектуальное, и ведущая тональность всего этого юного круга — радость. У Жуковского она будет возведена в высший ранг философский понятий, нравственных категорий. Духовная радость — результат сердечного постижения гармонии бытия и приобщения к ней. Юность предрасположена к этому значительному акту человеческого бытия. Но все же у Жуковского юность — это не златокудрая, голубоглазая, улыбающаяся, влюбленная дева или парящий от восторга на облаках юноша, пьющий полную чашу бытия, как в легкой поэзии Батюшкова. У Жуковского она ассоциирована с невинно-чистым обликом серьезного юноши с широко открытыми на мир глазами, задумчивыми, глубокими. Юность философична, она разгадывает мир, сердцем постигая его неизведанные глубины, полна внутреннего трепета, но и бесстрашна в решениях. Она мудра и слепа одновременно, мудра в идеальных стремлениях, в постижении безграничных возможностей личности, ее никому не ведомых горизонтов: «...Вдали сиял пленительный призрак — // Нас тайное к нему стремленье мчало». И Гений, и Любовь, и Бог — все доступно юности в ее сердечных порывах. Но она слепа в сфере жизненной реальности, и охлаждающий сердце опыт еще не коснулся души, или же он пока не властен над ней. Юность в художественном мире Жуковского созерцательна, погружена в красоту, таинственную романтику жизни, и одновременно она — творческое созидательное начало: строит будущее, захватывая в орбиту любви и творчества ближайшее окружение, очаровывая его молодыми идеальными надеждами и стремлениями.

Образ юности у Жуковского отражает ранний этап жизни, предшествующий периоду скептицизма. Состояние очарования так близко душе, так легко воссоздается в памяти, как только что покинутый отчий дом. Здесь какая-то переходная стадия от очарования к разочарованию. Люди в стихах и ранней прозе Жуковского очень юны: Марии из «Марьиной рощи» 15 лет, столько же Лизе, видно, столько же Минване, Светлане — героиням его

баллад и песен. В статьях «Вестника Европы» создается образ пятнадцатилетней читательницы, с которой разговаривает автор, он и пишет для нее. Героини его поэзии — юные создания, ассоциированные с майскими днями, с цветком, минутной красой полей; столь же молод и элегический юноша. «Сравни себя с самим собой», — советует поэт своему другу Александру Тургеневу.

Где прежний ты, цветущий, жизни полный?
Бывало, все — и солнце за горой,
И запах лип, и чуть шумящи волны,
И шорох нив, струимых ветерком,
И темный лес, склоненный над ручьем,
И пастыря в долине песнь простая —
Веселием всю душу растворяя,
С прелестью сливаются мечтой:
Вся жизни даль являлась пред тобой,
И ты, восторг предчувствием считая,
В событие надежду обращал.
Природа та ж... но где очарованье?
Ах! с нами, друг, и прежний мир пропал,
Пред опытом умолкло упование...
(I, 178)

Жуковский говорит о «сладком чувстве» только что пережитого веселья, восторга, мечтаний, очарований, когда была пора юности — «лучшее время». Но и сейчас лирический герой «во цвете лет», он только что перешел черту очарованья миром, и хотя теперь пробуждается унылость и разочарование, но он все еще зовет только что пройденное время: «Летим душой за милыми вослед». Разочарование еще не мешает полету за милыми призраками. Юный человек внутренне напряжен, его чувства — как струны арфы, звучащие при каждом ветерке. Он отзывается на все, вслушивается в себя и через себя пытается разгадать мир. Жизненный опыт получает у него негативную оценку: ведь он еще так мал. Как много более значим опыт сердца, такого чувствительного, пронизательного! Рефлектирующее сознание скоро угадало ранние могилы, несбывшиеся мечты, несостоявшуюся любовь, трагические начала жизни. Юность в стихах Жуковского — тонко чувствующая, предчувствующая, томящаяся в нежных переживаниях, жаждущая жертвы, нравственного подвига, растворяющаяся в самоотдаче ради любимой и друга. Здесь было действительно какое-то «излишество» человеческой психики, что И. С. Кон справедливо считает признаком юности. Реальность еще не познана, зато внутренняя действительность рассматривается во всех нюансах.

Мысль об объективных преимуществах юности близка Жуковскому. Ему тоже нравилась власть молодых грез над сердцем человека даже в старые годы. Он восхищался отцом своих друзей Иваном Петровичем Тургеневым, называя его «живым юношей в кругу молодых людей» и рисуя его близость своим сыновьям и их друзьям. Старики с юным сердцем — также любимые персонажи, ведь таким был старец Гомер, нравственный образец,

вызывающий умиление; впоследствии и самого себя Жуковский причислял к людям этого типа. Так и остался до конца жизни наш поэт юношей, полным мечтаний, грез, веры и любви, «никогда не стареющим юношей», по выражению Белинского.

Да, юность столетия рождала деятельность юных гениев — Жуковского, Батюшкова, Грибоедова, Пушкина, а рядом с ними шли молодые вожди освободительного движения: Н. Тургенев, Муравьевы, Пестель, Рылеев, Бестужевы, В. Раевский; им сопутствовала юность Кюхельбекера, А. Одоевского, Вяземского, Баратынского, Дельвига, Тютчева... В 10—20-х годах на русском общественном небосклоне сияли созвездия молодежи. Их вклад в социальное бытие, культуру и поэзию во многом определил пути культурного развития всего столетия. Рожденные в 80—90-х годах XVIII века, они несли в своей деятельности светлые надежды на грядущее. Юность и грядущее почти тождественны, поэтому в ней так много света и простора, открытости и порыва, поэтому устремлен ее взор в туманную даль века. Жуковский воплотил в стихах и в собственной личности романтический облик юности.

Рубеж столетий ознаменовался у Жуковского стихотворениями с социально-исторической проблематикой в основном одического жанра: «Стихи на новый, 1800 год», «К Тибуллу. На прошедший век», «Мир», «Герой». Эти почти самые ранние из опубликованных стихотворений Жуковского говорят о формирующемся чувстве истории. И поэт стремится почувствовать и угадать ее смысл. Образ исторического времени в первой из од нарисован в отчуждении от человека. Время самодовлеющее и как бы неподвластно людям, они могут только умоляюще смотреть на него и ждать «благодеяний». Пассивная роль отведена человеку перед лицом исторического времени.

Второе стихотворение, более содержательное и картинное, связанное с традициями философских од Державина, движение времени оценивало еще менее оптимистично: бедствия, кровь, слезы, могилы, ненадежность жизни целых народов — вот что дало минувшее столетие, вот его памятники. Поэт снова ощущает ничтожество человека перед лицом Истории, ведь «вся наша жизнь — лишь только миг...». Однако семнадцатилетний поэт мечтает победить тленность человеческой индивидуальности и приходит уже теперь к выводу, который сохранит на всю жизнь:

На что винить богов напрасно?
Себя мы можем пережить:
Любя добро и мудрость страстно,
Стремясь друзьями миру быть —
Мы живы в самом гробе будем!..
(I, 18)

Входящий в жизнь Жуковский определял социально-нравственные позиции. Его первые произведения, написанные в стихах и прозе, органично связанные по проблематике, да и в художественном отношении, говори-

ли о живой, непосредственной реакции автора на общественно-историческую действительность. Он не уходил от острых социальных коллизий, давал на них свой страстный ответ. Притом начало его творчества готовило будущие достижения, закрепляло раз найденное.

Ранняя статья «Мысли при гробнице» (1797) — раздумье о жизни и смерти, предвосхищающее перевод элегии Грея «Сельское кладбище»; поэт на кладбище размышляет о могуществе смерти и подвластности ей человека. Эта мысль ведет его к этической постановке вопроса: чем заполняют люди свое кратковременное пребывание на земле? Неоднородность общества, согласно Жуковскому, определяется различием этических норм. В обществе поэт с грустью увидел людей с противоположными нравственными правилами: «друг человечества», с одной стороны, и «изверг», «притеснитель», «утнетатель» (поэт употребляет и это сильное слово) себе подобных — с другой. Так говорил Жуковский в Университетском Благородном пансионе 14 ноября 1798 года; увиденная этическая коллизия в глазах поэта имела широкую социально-материальную основу: «богач» противостоял бедному «рабу».

Знаменателен образ «друга человечества», впоследствии использованный Пушкиным. Поэты, особенно Жуковский, ведут речь не только о рабах («утнетенных») и «богачах», «барах», но выделяют в обществе еще и третий элемент, который не входит ни в первую, ни во вторую социально-этическую группу. «Друг человечества» — какая-то избранная, особая, исключительная личность, нравственно чистая и совестливая, часто alter ego поэта, отсюда форма единственного числа. «Друг человечества» — предромантическая личность в творчестве молодого Жуковского.

В заметке «Мир и война» (1798) поэт в стиле сентиментализма обличает ужасы войны: «Пламя войны все пожирает, ничто не сокроется от ужасного бича брани» — дом вдовы пылает, стонет сирота без родителей, от руки убийцы гибнет младенец, ожесточенный ратник убивает почтенного старца. Социальная картина рисуется отнюдь не идеалистическими красками. «Друг человечества» видит страшные преступления, творящиеся в обществе.

Тема преступлений и наказаний, возникшая в сентиментально-предромантической публицистике Жуковского в 90-е годы, будет занимать все большее и большее место в его поэзии, сделавшись центральной в балладах. Причины преступлений не уяснены, объективные и субъективные факторы скрещиваются; личная моральная неустойчивость и «море заблуждений, море несчастия» поглощают и убивают человека морально.

В ранней публицистике поэта концентрируются главные идейно-художественные мотивы его лирики: элегический, кладбищенский мотив жизни и смерти, добродетели и порока, преступления и наказания, мотивы вечерней природы, моря жизни, губительной морской бури, гибнущего непорочного младенца и порочной, греховой старости. Эти же темы и мотивы чуть ли не зеркально отражаются в его лирике. Поэзия и проза составляют органическое единство и несут пока еще в себе какой-то элемент рассу-

дочности, преднамеренности: то стихи иллюстрируют то, что выражено в прозе, то проза будто разъясняет поэтическую речь.

Оде, посвященной императору Павлу I (1797), в которой прославляется мир, стихотворению «Мир» (1800) соответствует заметка «Мир и война» (1798). Стихотворения «Добродетель» (1798), а затем «Сельское кладбище» (1802) с кладбищенским мотивом стоят в одном ряду со статьями «Мысли при гробнице» (1797), «Мысли на кладбище» (1800). Стихотворение «Герой» и заметка «Истинный герой» — оба в 1800 году. Стихотворение «Человек» и вся его ранняя проза посвящены антропологической проблеме, рассматриваемой в этическом аспекте. Совпадают, насколько это возможно, поэтика, эстетика прозы и поэзии в лиризме, живописности, сентиментально-предромантических настроениях, в философских аллегориях («море жизни», «ураган» бедствий, морские «валы» испытаний, «цветы блаженства»), эффектно-поэтических контрастах добродетели и порока, утра и вечера, войны и мира, царя и убогого, героя и пастуха. Его статьи напоминают стихотворения в прозе, настолько они ритмичны, разбиты на законченные периоды, образны и эмоциональны. Тематика позднего классицизма (философских стихотворений Державина), жанры оды и посвящения получили сентиментально-предромантическую обработку. Недовольство общественными нравами, страх за человеческие добродетели, которые нередко не выдерживают натиска порока, настроение грусти, вызванное видом «моря несчастий» и «ничтожества человека», бессильного не только перед лицом смерти, — все это заставляет «друга человечества» Жуковского не столько проливать сентиментальные слезы, сколько переживать романтическую неудовлетворенность, тревогу, грустные предчувствия. Творчество Жуковского открывается картинами жизненных контрастов, различных этических, социальных антиномий, свидетельствующих об отсутствии цельности в жизни, о ее противоречиях. В результате «друг человечества» не в силах бездумно радоваться и наслаждаться майским утром, прекрасной фиалкой, он погружается в довольно мрачные раздумья и, заглядывая в будущее, делает людям серьезные предупреждения: «Смертный! берегись...»

Таков отклик начинающего писателя на общественное бытие конца XVIII — начала XIX века, бытие бурное, наполненное электрическим зарядом французской революции и путачевского восстания.

* * *

Предромантик и романтик Жуковский был общительным гением, как и многие другие его великие современники. В ближайшей сфере общения были его родственники и родственницы из многочисленных потомков помещика А. И. Бунина, отца поэта. Его любили и активно с ним переписывались, он был желанным гостем и у М. Г. Буниной, законной жены помещика, с которой трогательно дружила мать поэта Елизавета Деметьевна, и в доме Юшковых, где он воспитывался, а затем так много переписывался с Ду-